

Н. Долинина

Долохов

Вот как мы видим его впервые — пьяного, в белой рубашке, на рассвете, в шумной компании Анатоля Курагина: «Долохов был человек среднего роста, курчавый и с светлыми голубыми глазами... Он не носил усов, как и все пехотные офицеры, и рот его, самая поразительная черта его лица, был весь виден... В середине верхняя губа энергически опускалась на крепкую нижнюю острым клином, и в углах образовывалось постоянно что-то вроде двух улыбок... и все вместе, а особенно в соединении с твердым, наглым, умным взглядом, составляло впечатление такое, что нельзя было не заметить этого лица».

Эти светлые голубые глаза, этот твердый, наглый и умный взгляд мы увидим много раз: на смотре в Браунау, и в бою под Шенграбеном; во время дуэли с Пьером, и у зеленого карточного стола, за которым Ростов проиграет Долохову сорок три тысячи, и у ворот дома на Старой Конюшенной, когда сорвется попытка Анатоля увезти Наташу, и позже, в войну 1812 года, когда отряд Денисова и Долохова спасет из французского плена Пьера, но в бою за пленных погибнет мальчик, Петя Ростов, — тогда жестокий рот Долохова скривится, и он отдаст приказание: всех захваченных французов расстрелять.

Долохов — самый непонятный, самый таинственный из всех героев «Войны и мира». Мы восхищаемся его безрассудной храбростью, его внезапно и коротко прорывающейся нежностью; нас пугает его жестокость, нам хочется постичь этот загадочный характер.

Что же он такое на самом деле, Федор Долохов?

Он «был небогатый человек, без всяких связей. И несмотря на то, что Анатолий проживал десятки тысяч, Долохов жил с ним и успел себя поставить так, что и Анатолий и все знавшие их уважали Долохова больше, чем Анатолия».

Ему не на что и не на кого рассчитывать — только на себя. Развлекались втроем: Долохов, Анатолий и Пьер — «достали где-то медведя, посадили с собой в карету и повезли к актрисам. Прибежала полиция их унимать. Они поймали квартального и привязали его спина с спиной к медведю и пустили медведя в Мойку; медведь плавает, а квартальный на нем...» Чем же все это кончилось?

Долохов был офицером — и потому его разжаловали в солдаты. Пьер нигде не служил, его нельзя было разжаловать, но наказание его постигло легкое, — видимо, из уважения к умирающему отцу. Анатолий был офицером — его не разжаловали. Долохов запомнил это и Анатолию, и Пьеру.

Еще один урок он получил на войне. Встретив Жеркова, принадлежавшего раньше к его «буйному обществу», он убедился, что Жерков «не счел нужным узнать его» в солдатской шинели. Этого Долохов тоже не забыл — и когда Жерков, после разговора Кутузова с разжалованным, радостно приветствовал Долохова, тот отвечал подчеркнуто холодно.

Так на наших глазах складывается характер, формируется жестокий и эгоистический человек, одинокий, как волк. Первые же слова, которые мы услышали от Долохова, были жестоки. Пьяный Пьер пытался повторить его «подвиг»: выпить бутылку рома, сидя на открытом окне. Анатолий пытался удержать Пьера.

«Пускай, пускай, — сказал Долохов улыбаясь».

После этого прошел год — очень нелегкий год солдатчины, трудных походов и не менее трудных смотров. Мы видели, как Долохов отстаивал свое достоинство перед смотром в Браунау и как настойчиво напоминал генералу о своих заслугах в Шенграбенском бою. Он чудом не погиб на льду австрийских прудов, приехал в Москву и по-

селится в доме Пьера. Как раньше он не жалел Пьера, так не жалеет и теперь: живя в его доме, он завел роман с его женой. Не влюбился в нее, не полюбил — это бы хоть в какой-то степени его оправдывало. Нет, Элен так же безразлична ему, как другие светские женщины, он просто развлекается и, может быть, мстит Пьеру за историю с медведем, за то, что Пьер богат и знатен.

На обеде в честь Багратиона «Пьер сидел против Долохова и Николая Ростова. Он много и жадно ел и много пил, как и всегда. Но... он, казалось, не видел и не слышал ничего... и думал о чем-то одном, тяжелом и не разрешенном.

Этот неразрешенный, мучивший его вопрос были намеки княжны в Москве на близость Долохова к его жене и в нынешнее утро полученное им анонимное письмо... Всякий раз, как нечаянно взгляд его встречался с прекрасными наглыми глазами Долохова, Пьер чувствовал, как что-то ужасное, безобразное поднималось в его душе, и он скорее отворачивался».

Пьер знает: Долохов не остановится перед тем, чтобы опозорить старого приятеля. «Для него была бы особенная прелесть в том, чтоб осрамить мое имя и посмеяться надо мной, именно потому, что я... помог ему». Так думает Пьер в то время, как Долохов и Николай Ростов, насмешливо и неодобрительно поглядывая на него, пьют за хорошеньких женщин.

Он боится Долохова — могучий Пьер. Приучив себя додумывать все до конца и быть откровенным с самим собой, он честно признается себе: «Ему ничего не значит убить человека... Он должен думать, что и я боюсь его. И действительно, я боюсь его...» Но в душе его, преодолевая страх, поднимается бешенство, и когда Долохов с «серьезным выражением, но с улыбающимся в углах ртом, с бокалом обратился к Пьеру», — это бешенство вскипает, ищет выхода.

«За здоровье красивых женщин, Петруша, и их любовников», — сказал Долохов.

Этого мало: он выхватил из рук Пьера листок с текстом кантаты — само по себе это было бы вполне возможно при их приятельских отношениях, но сейчас «что-то страшное и безобразное, мутившее его во время обеда, поднялось и овладело» Пьером.

«Не смейте брать! — крикнул он».

Все вокруг испуганы, но Долохов смотрит «светлыми, веселыми, жестокими глазами...»

«Бледный, с трясущеюся губой, Пьер рванул лист.

— Вы... вы... негодяй!., я вас вызываю, — проговорил он и, двинув стул, встал из-за стола».

И вот — дуэль в Сокольниках. Секунданты Несвицкий и Денисов делают, как полагается, попытку примирения. «Нет, об чем же говорить! — сказал Пьер, — все равно... Вы мне скажите только, как куда ходить и стрелять куда?»

Долохов знает, что Пьер не умеет стрелять. Но и он тоже отвечает секунданту: «Никаких извинений, ничего решительно».

Оба секунданта понимают, что происходит убийство. Поэтому они медлят минуты три, когда уже все готово. Кажется, ничто не может спасти Пьера. Понимает ли это Долохов? Чем виноват перед ним Пьер — за что он готов убить этого человека?

«Становилось страшно», — пишет Толстой. И вот Денисов выходит к барьеру и сердито кричит: «Г'...аз! Два! Тг'и!» Уже нельзя остановить то, что происходит, и Денисову остается только сердиться.

Пьер, нелепо вытянув вперед правую руку, «видимо боясь, как бы из этого пистолета не убить самого себя», стреляет первым — и ранит Долохова.

Оба они поступают после выстрела Пьера точно так, как должны поступать именно эти два человека, с этими характерами. Раненый Долохов, упав в снег, все еще целится, а Пьер стоит, «беспомощно расставив ноги и руки, прямо своей широкой грудью», перед

Долоховым — так, что даже Денисов, секундант Долохова, не выдержав, кричит: «Заг’ойтесь!»

Долохов промахнулся, стреляя в Пьера, которого он жестоко оскорбил. Но через несколько недель он не промахнется в другой дуэли — бескровной.

Живя в семье Пьера, Долохов разрушил эту семью. Войдя в дом Николая Ростова, он попытался отнять у своего друга невесту. Соня отказала ему — Долохов не таков, чтобы не отомстить. Он не вызывает Николая на дуэль, но обыгрывает его в карты — сознательно, холодно и обдуманно: приглашает свою жертву запиской в гостиницу, несколько раз спрашивает: «Или ты боишься со мной играть?», предупреждает: «В Москве распушен слух, будто я шулер, поэтому советую вам быть со мной осторожнее», — и, выиграв огромную сумму, «ясно улыбаясь и глядя в глаза Николаю», замечает: «Ты знаешь поговорку: «Счастлив в любви, несчастлив в картах». Кузина твоя влюблена в тебя. Я знаю».

Он не позволит безнаказанно оскорбить себя, но разве Николай хотел его оскорбить? Наоборот — преклонялся перед ним, обожал его — так он наказан за свое обожание.

Может быть, через несколько месяцев, помогая Анатолю увезти Наташу, Долохов вспомнит о том, как Соня не ответила на его чувства, предпочла Николая. Может быть, так он на свой лад отомстит Ростовым.

Он страшный человек, Федор Долохов. В двадцать пять лет он хорошо знает людей, среди которых живет, и понимает: ни честность, ни ум, ни талант не ценятся этими людьми. Он привык не верить честности, уму и таланту. Он циничен и может обмануть любого, даже вчерашнего лучшего друга, потому что знает: это простят. Не простят слабости. А бесчеловечность вызовет уважение и страх.

Но... трижды мы увидим Долохова не похожим на себя самого.

Подъезжая к дому после дуэли с Пьером, он поразит Ростова — и нас тоже: «Я ничего, но я убил ее, убил... Она не перенесет этого. Она не перенесет...

— Кто? — спросил Ростов.

— Мать моя. Моя мать, мой ангел, мой обожаемый ангел, мать, — и Долохов заплакал, сжимая руку Ростова».

Не могу отделаться от мысли, что Толстой не все додумал до конца в этой сцене. Она кажется слишком сентиментальной. Но как только появляется мать Долохова, веришь каждому ее слову — и Толстой опять становится всезнающим. Мать рассказывает Ростову о своем Феде: «Он слишком благороден и чист душою... для нашего нынешнего, развращенного света... Ну, скажите, граф, справедливо это, честно это со стороны Безухова?... Есть ли чувства, честь у этих людей! Зная, что он единственный сын, вызвать на дуэль и стрелять так прямо!.. Какая низость, какая гадость! Я знаю, вы Федю поняли, мой милый граф... Его редкие понимают. Это такая высокая, небесная душа...»

Мать помнит: «В Петербурге эти шалости с квартальным, там что-то шутили, ведь они вместе делали? Что ж, Безухову ничего, а Федя все на своих плечах перенес!» Она права — так оно и было. Она права, когда говорит: «Таких, как он, храбрецов и сынов отечества немного...» Она, как и всякая мать, отлично видит все хорошее в своем сыне и не видит, не хочет и не может видеть его холодной жестокости.

Может быть, потому Долохов и называет мать ангелом, и преданно любит ее, что она одна хочет видеть в нем «высокую, небесную душу»? Но где же он настоящий — с матерью или со всеми остальными?

Еще раз в его наглых светлых глазах мелькнет человеческое — на детском бале у Иогеля, когда эти глаза будут с нежностью следить за танцующей Соней. Он сам расскажет Николаю Ростову, что мало кого любит, не верит людям, презирает женщин и дорожит жизнью только потому, что еще надеется «встретить такое небесное существо, которое бы возродило, очистило и возвысило» его.

Он правильно выбрал: Соня — именно та чистая и верная душа, которую он ищет. Но нет ему счастья: она любит другого.

Решив отомстить Николаю, Долохов задумал выиграть у него сорок три тысячи. «Число это было им выбрано потому, что сорок три составляло сумму сложенных его годов с годами Сони».

Нам трудно себе представить, что этот жестокий, холодный человек способен на такую чувствительность — складывать свои годы и Сонины. Но он способен. И как ни неприятен нам Долохов в сцене своего выигрыша, мы все-таки с недоумением жалеем его.

И в третий раз Долохов удивит нас перед Бородинской битвой, когда, встретясь с Пьером, он неожиданно для нас с серьезным достоинством попросит у него прощенья.

Только трижды мы увидим Долохова не похожим на себя самого.

Но этого довольно, чтобы понять: этот одинокий, злой человек мог бы быть другим. У него есть идеал: прекрасные, преданные женщины — такие, как мать, Соня; сильные, бестрепетные мужчины, забывающие перед лицом общей опасности свою мелкую вражду — как сам он перед Бородинской битвой. Он хочет, чтобы жизнь была прекрасна, но она не соответствует его идеалу, она жестока и несправедлива.

И потому Долохов тоже жесток и несправедлив. Можем ли мы оправдать его? Бесспорно, нет. Он ищет себя, этот сильный, и страстный, и деятельный человек — но ведь Пьер и князь Андрей тоже ищут себя и находят свой путь не в злости и цинизме, а наоборот, в служении добру и справедливости.

Жестокость не может быть оправдана ничем — и те редкие минуты, когда в Долохове просыпается человеческое, только усиливают осуждение, с которым мы смотрим на его обычное холодное самоутверждение. Есть ли надежда, что он изменится? Нельзя ответить на этот вопрос определенно. Но хочется надеяться...

Читая «Войну и мир», я невольно примериваю к героям романа события, с которых Толстой хотел начать свою книгу, а потом отложил их. Восстание 1825 года. Где все они будут 14 декабря? Пьер, Николай, Денисов, Долохов, Друбецкой? Не войдет ли Борис Друбецкой в состав следственной комиссии? Не будет ли Долохов тверд перед вопросами этой комиссии и по-прежнему одинок, и по-прежнему холоден в долгие годы каторги?

А может быть, он найдет себя на Сенатской площади и другим человеком станет в Сибири, на каторге? Может быть, там он смягчится душой и будет таким, каким до сих пор его знала только мать. Ему будет тогда сорок пять лет, но ведь и генерал Денисов не так уж молод в конце романа, в 1820 году, и среди декабристов были немолодые люди...

А сейчас только начался 1806 год, Долохову двадцать шесть, и что станет с ним потом — кто знает?